

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

**COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE EAST**

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

З. Я. Ханин

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯПОНИИ

Термин «дискриминация» часто употребляется для определения различных социальных явлений.

Действительно, он вполне применим для характеристики бесправного положения угнетаемых классов, сословий, населения колоний и т. д. Однако чаще всего этим термином обозначается бесправное положение изолируемого меньшинства населения какой-либо страны, к которому относятся с подозрением, предубеждением и враждой, что основывается на национальных, расовых, религиозных, профессиональных или других предрассудках.

Японские отверженные — это частный случай проявления последнего типа дискриминации. Всестороннее изучение их истории началось лишь после второй мировой войны и дало возможность решить многие вопросы, а также выявить расхождения точек зрения по некоторым аспектам истории дискриминации в стране. Пожалуй, наиболее сложной и спорной до настоящего времени остается проблема происхождения различных групп отверженных в Японии и дискриминации в целом. Она привлекает к себе внимание многих японских исследователей¹.

Это явление в Японии обладает специфическими особенностями, которые затрудняют исследование его истоков более, чем в любой другой стране. Действительно, дискриминируемое меньшинство в Японии в течение многих сотен лет не отличалось от остального населения страны ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношениях, даже профессиональные различия не были слишком резкими. Возможно, поэтому возникли самые различные теории происхождения дискриминации в стране, в частности теории, сводившие истоки появления отверженных исключительно к национальной, религиозной, профессио-

¹ См., например: Т. Хаясия, *Бураку мондай — соно рэксиси-о тюсин-ни* («Проблема бураку. Ее история — главное») — «Бураку», 1956, № 184 (на яп. яз.); Т. Махара, *Буракуси кэнкю-но син данкан* («Новая ступень в изучении истории бураку»), — «Бураку», 1964, № 172 (на яп. яз.); М. Уэда, *Бураку си кэнкю-но сайконто* («Обзор исследований истории бураку»), — «Бураку», 1963, № 159 (на яп. яз.); Я. Кинугаса, *Кинсэй бураку-но сэйрицу то сэммин сисо* («Образование бураку в период кинсэй и идеи сэммин»), — «Нихон-но сё кагаку то бураку мондай», Киото, 1964 (на яп. яз.) Происхождение дискриминации остается сложной и малоисследованной проблемой и в других странах. Например, вызывает много споров вопрос об истоках кастовой системы в Индии (см. «Касты в Индии», М., 1965).

нальной или же политической основе. Все они уже обоснованно критиковались японскими учеными за то, что в каждом отдельном случае недостаточно учитывали всю совокупность конкретно-исторических условий. Однако нельзя сказать, что они уже не привлекают к себе никакого внимания исследователей².

К сожалению, скудость материалов не позволяет решить многие спорные вопросы, связанные с этой проблемой³. Ниже мы попытаемся привести некоторые замечания, относящиеся скорее к поискам путей решения данной проблемы.

Прежде всего следовало бы определить действительное значение и место национальных, религиозных и профессиональных предрассудков (которые в соответствующих теориях предполагаются основными) в процессе формирования дискриминации. Факты свидетельствуют о том, что в разное время они играли хотя и не главную, но весьма существенную роль.

Естественно, что некоторые совершенно фантастические предположения о происхождении японских париев⁴ не могут быть приняты во внимание. Безусловно, трудно четко осветить события, которые плохо обеспечены источниками, так как учитываться должны лишь факты.

Известно, что в формировании японской нации, как и многих других, участвовали различные народы. Аборигены Японских островов — айну — несколько тысяч лет назад были оттеснены с Кюсю и Сикоку пришельцами с Юга — индонезийскими и малайскими племенами, получившими впоследствии названия кумасо и хаято. Позже на острова нескольких потоками влились монголоидные племена с Севера.

Племена, отличавшиеся по языку, обычаям и занятиям, враждовали и вели междоусобные войны. На определенной ступени социально-экономического развития победители стали превращать пленных в рабов (чаще всего кумасо, хаято и айну)⁵. По-видимому, в это время впервые и возникли представления о «недостойных» людях и видах занятий. Основой этих воззрений были племенные и социальные различия.

В первых веках нашей эры в Японии появилось значительное число корейцев и китайцев (пленных и переселенцев), которые, как известно, обладали более обширными, чем японцы, знаниями и опытом в области земледелия и ремесла⁶. Племенные вожди селили их на своей территории компактными массами, предоставляя право на владение домом и орудиями производства и отбирая у них всю готовую продукцию. Специалисты-чужеземцы вошли в специальную социально-профессиональную группу (называемую томобэ и какибэ), обслуживавшую нужды японской знати. Высказывалось утверждение, что именно с них и началась история дискриминации в стране⁷. В действительности трудно связать истоки дискриминации именно с этой группой; хотя она и находилась внизу социальной лестницы, отдельные ее представители, как

² Например, в своем докладе проф. Такисава говорил об иностранном происхождении дискриминации. (См. Т. Махара, *Бураку-си кэнкю-но син...*, стр. 10).

³ Это отмечает Н. Ямамото. *Сяйкайгаку-ни окэру бураку мондай* («Проблема бураку в социологии»), — «Нихон-но сё кагаву то бураку мондай», стр. 21 (на яп. яз.)

⁴ Например, описанные (критически) С. Такахаси [«Токюсю буракуси»] («История специальных поселков»), Киото, 1926, стр. 70] высказывания о том, что сэммиг (подлые), японские парии — это якобы потомки какого-то исчезнувшего колена израиля или выходцы из Индии и т. д.

⁵ «Бураку-но рекиси то кайхо ундо» («История бураку и освободительное движение»), Киото, 1954, стр. 5—6 (на яп. яз.).

⁶ Y. Takekoshi, *The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan*, vol. I, London, 1930, pp. 4—5.

⁷ F. O. Adams, *The History of Japan*, London, 1875, p. 77.

известно, играли довольно видную роль в политике, финансах, военном деле и роднились со знатью⁸.

Изложенное выше свидетельствует об отсутствии крайней нетерпимости и жесткой сегрегации. Известная обособленность положения томоэ и какибэ еще не означала их полного бесправия, а следовательно, одно лишь поселение в стране иностранцев не ведет к обязательному появлению дискриминации, хотя при известных обстоятельствах может психологически подготавливать ее. Действительно, некоторая отчужденность томоэ и какибэ, их профессиональная исключительность, а также наличие среди них чужеземцев⁹ — все это, очевидно, способствовало появлению различных предрассудков, которые еще не говорили о наличии дискриминации, но, бесспорно, становились важным ее элементом.

У нас нет достаточно веских оснований, чтобы утверждать иностранное происхождение дискриминации, особенно если учесть, что в появившихся впоследствии группах отверженных не отмечалось какой-либо национальной неоднородности.

Интересно, какое место в формировании дискриминации в Японии занимают профессиональные и религиозные моменты. Существовало мнение, что именно они играли в этом определяющую роль¹⁰. Считали, что чаще всего возникновение предрассудков, связанных с профессией, вызывалось религиозными представлениями (буддийскими) об «осквернении» — всех, кто занимался убоим скота, захоронением, дублением кожи, выделкой из нее различных изделий и т. д.¹¹. Нам кажется, что одним этим объяснить все невозможно, так как существенную роль в появлении этих предрассудков играли и экономические факторы. Действительно, буддизм проник в Японию еще в VI в., а презрение к определенным видам работ (и, естественно, к их исполнителям) стало распространяться не ранее XII в.¹². Что же могло повлиять на его распространение?

Известно, что в течение многих столетий убой скота, разделка туш, производство различных кожаных изделий не считались «оскверняющими» занятиями, наоборот, до распространения в Японии земледелия указанные виды работ наряду с рыболовством и сбором плодов были основными и почетными. После повсеместного распространения земледелия, во времена государства Ямато, из Кореи и Китая стали ввозить специалистов дубильщиков и кожевников, к которым также не проявляли какого-либо исключительного или отрицательного отношения¹³. Более того, когда во второй половине VII в. в Японии впервые официально были выделены группы сэммин (подлые, презренные люди), то в их число не вошли ремесленники, занимавшиеся презираемыми впоследствии видами работ.

Постепенно положение менялось из-за следующих обстоятельств. В течение длительного времени животноводство в Японии по разным причинам оставалось отсталой, застойной отраслью хозяйства. В связи с ростом потребностей в скоте, необходимом для использования на сельскохозяйственных работах, в транспорте, армии и т. д., и при существующем положении дел выход мог быть только один — сокращение за-

⁸ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 11.

⁹ Характерно, что японцы, впрочем, как и многие другие народы, всех чужеземцев называли дикарями (бан — дикарь, варвар), что свидетельствовало о пренебрежительном к ним отношении.

¹⁰ С. Такахаси, *Токусю буракуси*, стр. 71—72.

¹¹ Это мнение изложено в БСЭ (см. БСЭ, т. 49, стр. 231).

¹² Например, в Вамёсё (составлен в XI в.) занятие убоим скота еще не определяется как «оскверняющее».

¹³ Y. Takekoshi, *The Economic Aspects...*, p. 5.

боя скота для продовольственных и производственных нужд. В соответствии с этим правительство уже в 676 г. издало указ о запрещении убоя коров и лошадей в определенные периоды. В течение VIII в. также нередко запрещали забивать скот¹⁴ во время наводнений, землетрясений, пожаров, болезни императора и т. д.

Поэтому к убою скота и выделке кожаных изделий постепенно выработывалось отрицательное отношение, а распространившиеся впоследствии религиозные представления (об определенных низких видах деятельности) превратили его в стойкие предрассудки. Следовательно, появились они под воздействием различных, непосредственно не связанных друг с другом причин.

Однако одни профессиональные предрассудки не могут объяснить возникновение дискриминации в Японии, потому что в число отверженных входили не только забойщики скота, дубильщики и кожевники, но и представители многих других профессий — некоторые группы ремесленников, мелких торговцев, садовники, артисты и т. д.

Надо сказать, что ремесло и торговля в феодальной Японии по общественной значимости и полезности считались самыми низкими занятиями. Это было связано скорее с социально-политическими, чем с религиозными, воззрениями и, естественно, имело отношение не только к группам отверженных. Наиболее почетным считалось военное дело, вполне достойным — земледелие и наименее уважаемым — ремесло и торговля.

Эти оценки вытекают из классовой структуры феодального общества, но по мере увеличения значимости ремесла и торговли в экономической жизни Японии отношение к этим видам деятельности менялось. Крайне отрицательным оставалось лишь отношение к тем видам ремесленного производства, которым традиционно занимались группы сэммин.

Существенную роль в создании условий, при которых сэммин занимались лишь определенными работами, играли власти феодальной Японии. Именно они не допускали отверженных ко многим видам производства, которые в соответствующие эпохи считались особенно важными для страны — к сельскохозяйственному производству, прядению, ткачеству, производству орудий производства и т. д.

Весьма характерно, что в некоторых районах страны — в Тохоку и на о-ве Хоккайдо — сэммин почти не было и местное население само выполняло все те работы, которые в остальной стране (где имелись отверженные) считались «оскверняющими» и недостойными. Следовательно, профессиональные предрассудки не были абсолютными и повсеместными.

В связи с вышеизложенным представляются несостоятельными утверждения об иноплеменной, иностранной или профессиональной основе дискриминации в Японии. Бесспорно, все эти моменты играли определенную роль в формировании рассматриваемого явления и действовали в основном в форме предрассудков, скорее сопутствовавших дискриминации и определявших ее особенности в соответствующие эпохи, чем были ее причиной.

Указанные предрассудки были результатом воздействия целого комплекса различных обстоятельств — как экономического, так и социального плана: политики, религии, психологии и т. д., но они не исчерпывают явления дискриминации, а составляют лишь часть ее. И их роль не следует преувеличивать (как это часто делается).

¹⁴ К. Иноуэ, Т. Китахара, *Бураку-но рэкиси* («История бураку»), Токио, 1950, стр. 34 (на яп. яз.).

Мы не рассматриваем здесь многие другие теории образования групп отверженных¹⁵, поскольку наша цель заключается лишь в том, чтобы показать, что нельзя причиной возникновения дискриминации считать какое-либо исключительное обстоятельство, которое само определяется более существенными общественными явлениями.

На протяжении многовековой истории Японии в стране параллельно и последовательно существовали различные группы отверженных (дзакко, сандзёмин, каварамоно, эта, хинин, буракумин и т. д.), состав которых в какой-то мере был текучим. Они имели определенные различия в источниках формирования, в экономическом и правовом положении. Между сменявшими друг друга объединениями париев не всегда устанавливается прямая связь, вследствие чего история дискриминации в Японии, на первый взгляд, распадается на ряд отдельных, мало связанных между собой частей. Это приводит к необходимости, не забывая о единстве, изучать особенности образования и развития каждой группы отверженных, что успешно и осуществляется многими современными японскими исследователями. Однако некоторый акцент их исследований приходится на историю буракумин (дискриминируемая социальная группа, существующая и поныне)¹⁶, что частично объясняется политической актуальностью данной проблемы в настоящее время.

Все это заставляет подчеркнуть одну существенную сторону вопроса: все группы японских париев — явления одного порядка. Несмотря на некоторые особенности и отличия в их положении, они всегда оставались низшей, презираемой и изолированной частью общества. Это объединяет их в одно целое и определяет главную связь между ними.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, имеющее отношение к проблеме происхождения дискриминации.

Точный период возникновения дискриминации в Японии, очевидно, установить невозможно, поскольку процесс ее формирования происходил постепенно. Однако бесспорно, она существует многие сотни лет, что невозможно объяснить лишь одними первоначальными импульсами. Ведь известно, что какие-то существенные условия ее возникновения или изменялись, или же вообще исчезали, а дискриминация, несмотря на это, оставалась. Поэтому в проблеме ее происхождения следует выделить два аспекта: вопрос о процессе формирования и вопрос об условиях ее воспроизводства.

Действительно, возникнув, дискриминация не сохранилась в течение достаточно длительного времени лишь в силу традиции, она, очевидно, поддерживалась какими-то потребностями и интересами (т. е. объективными и субъективными обстоятельствами) каждой новой эпохи и поэтому просуществовала многие сотни лет. Изменения условий определяли особенности групп отверженных в каждую новую эпоху.

Для конкретизации сказанного можно привести несколько приме-

¹⁵ Диапазон поисков непосредственных предшественников сэммин чрезвычайно широк: в качестве таких предшественников называются рабы (см. Y. Takekoshi, *The Economic Aspects...*, p. 62. Такекоси считает, что в VIII в. количество рабов составляло 15% населения страны, в начале XX в. буракумин также было около 15%, следовательно, считает он, буракумин — это, возможно, потомки рабов), плененные или рассеянные при поражениях во время междоусобных войн XV—XVI вв., воины различных даймё (см. С. Такахаси, *Токусю буракуси*, стр. 124) и т. д. Для критического анализа суждений такого сложного и спорного вопроса, как рабство в Японии, необходимы новые исторические материалы.

¹⁶ В этом отношении характерно, что институт, занимающийся исследованием проблем дискриминации, называется «Бураку мондай кэнкюдзё» («Институт проблем бураку»), а издаваемые им журналы — «Бураку» и «Бураку мондай кэнкю».

ров, не входя при этом в детальный анализ специфики положения различных групп отверженных.

Как уже отмечалось, дискриминация возникла не сразу. Она была результатом долгого, постепенного накопления различных общественных процессов, что в конце концов и привело к ее созданию. Самые древние истоки ее связаны, очевидно, еще с родовой и племенной разобщенностью, с начальным процессом социального и профессионального размежевания, с появлением первых групп рабов. Отсутствие исторических материалов не дает нам возможности конкретизировать характер социальных отношений в тот период.

В древнем государстве Ямато для удовлетворения нужд усиливавшейся знати были созданы обособленные в профессиональном и социальном отношении группы (бэммин, томобэ), пополнявшиеся в значительной степени за счет чужеземцев. Как уже отмечалось, в данном случае еще нельзя говорить о наличии дискриминации, здесь скорее создавались определенные предпосылки ее.

Впервые четкое различие между рё (благородные) и сэн (подлые, презираемые) было зафиксировано уложениями периода реформ Тайка (вторая половина VII в.). В группу сэммин (презираемых) вошли различные категории личных и государственных рабов и слуг. Это была попытка сохранить старые формы зависимости, угодные знати.

В данном случае мы имеем дело скорее с классовой дискриминацией. Некоторые группы томобэ (называемые дзакко) оказались в это время почти в том же положении, что и сэммин.

Однако уже в VIII и особенно в IX в. все более выявлялась несостоятельность социальной и политической системы, определенной реформами Тайка. Она подрывалась увеличением числа беглых крестьян, томобэ, дзакко и сэммин, ростом личных землевладений (сёэнов), ослаблением финансовой, военной и политической власти императорского двора и другими процессами. В этих менявшихся социально-экономических и политических условиях происходило формирование новых низших социальных групп японского общества.

К концу X в. из-за возраставших финансовых и организационных трудностей были отменены многие специальные управления, контролировавшие сэммин, томобэ и дзакко¹⁷, которые в связи с этим или превращались в бродяг, или иногда выбивались в хэймин (свободных)¹⁸.

В начале XI в. во многих сёэнах начинают создаваться поселения нового типа, называвшиеся сандзё (по поводу их происхождения существовали различные точки зрения¹⁹). В настоящее время преобладает мнение о том, что сандзё — это опустевшие после побегов крестьян земли, на которых феодальные власти, заинтересованные в рабочей силе, разрешали поселяться бродягам, в первую очередь ремесленникам (в том числе и бывшим томобэ, дзакко и сэммин). Свообразие положения этих поселенцев в отличие от крестьян заключалось в том, что они были привязаны не к земле (прав на нее они не имели), а к хозяину. Жители сандзё (сандзёмин) освобождались от податей, но были обязаны выполнять работы, удовлетворяющие различные потребности феодального владельца и его хозяйства.

Таким образом, формировалась социальная группа, осуществляющая специфические хозяйственные функции. Городские сандзёмин в основном занимались ремесленным производством (военные доспехи,

¹⁷ Т. Хаясия, *Кодай кокка-но кайдан* («Развитие страны в древности»), Токио, 1957, стр. 286 (на яп. яз.).

¹⁸ К. Иноуэ, Т. Китахара, *Бураку-но рэкиси*, стр. 286.

¹⁹ См., например, С. Такахаси, *Токусю буракусю*, стр. 33.

луки, стрелы, обувь, бамбуковые изделия и т. д.). Жители сандзё, созданных на крупнейших дорогах, обеспечивали транспортные перевозки (они работали паромщиками, лодочниками, грузчиками, обслуживали конные станции). Существовали также сандзё, население которого занималось в основном рыболовством и охотой. Кроме вышеизложенного, сандзёмин должны были производить уборку грязи и различных отходов, хоронить, рыть колодцы и пруды и т. д. Наконец, их обязанностью и монополией была уборка в своих сёнах павшего скота и убой больных и старых животных, что обеспечивало их сырьем для кожевенного производства.

Создание сандзё — это известный результат развития дискриминации в Японии. Круг занятий жителей сандзё был определен и строго ограничен, им запрещалось поселяться вне сандзё²⁰. Окруженные стеной предрассудков, они были в значительной мере изолированы от окружающего населения, что способствовало усилению их сословной замкнутости и выделению в особую дискриминируемую социальную группу.

Наряду с сандзёмин в ту же группу входили и так называемые каварамоно, жители еще одного типа поселений — кавара, создававшихся в то же время. Каварамоно — это нищие и бродяги, селившиеся на «ничей» земле, чаще всего на бесплодных, каменистых участках речных отмелей (отсюда и название этих поселений). Вначале они имели мало прав и практических возможностей заниматься производительным трудом, поэтому среди них было много профессиональных нищих и бродячих артистов.

Кроме того, в кавара, сандзё и другие специальные поселения направлялись осужденные, например участники крестьянских восстаний, часто туда попадали и неизлечимо больные — прокаженные, сумасшедшие, а также скрывающиеся от преследования закона и т. д.

Со временем среди каварамоно увеличилось число ремесленников, особенно занимавшихся кожевенным производством. Все они также попали в зависимое от феодалов положение, и различия между ними и сандзёмин постепенно исчезли.

Условия, однако, продолжали меняться, и в XIV—XV вв. вместо приходившей в упадок системы сёэнов развился другой тип феодальных владений (даймиаты), который в отличие от сёэнов обладал полной хозяйственной, административной, юридической, военной и финансовой независимостью. Начавшиеся в XV в. войны между крупнейшими даймиатами завершились объединением страны лишь в конце XVI в.

Эти события, естественно, оказали свое воздействие на все стороны жизни японского общества, в том числе и на положение сэммин. На окраинах многих строившихся в то время приамков городов создавались новые поселения сэммин, куда свозились также сандзёмин и каварамоно. Всем им вменялось в обязанность поставлять военное снаряжение и первыми отбивать нападения крестьян в случае бунтов, их заставляли служить тайными осведомителями, сыщиками, полицейскими, тюремщиками и палачами. За свою работу и службу они получали из казны даймё определенное содержание²¹. В деревенских поселениях сэммин отмечаются те же особенности.

Все вышеизложенное углубляло пропасть между сэммин и остальным населением страны, предубеждения и предрассудки перерастали в ненависть, нередко находившую выход в кровавых погромах. Дискриминация принимала все более жесткие формы. Важную роль в этом

²⁰ Т. Хаясия. *Кодаи кокка-но кайдан*, стр. 287.

²¹ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 96.

играл субъективный фактор — политика феодальных властей, особенно в период централизованного государства сёгунов Токугава (центральное правительство стремилось унифицировать положение одинаковых социальных групп в разных частях страны путем введения новых строжайших регламентаций), и ряд экономических моментов. Характерно, что многие из ныне существующих бураку²² были созданы именно в XVI—XIX вв.

Группа отверженных в это время все еще делилась на две основные части: эта, по положению схожих с сандзёмин, и хинин, напоминавших по занятиям и условиям жизни ранних каварамоно. Однако это не было простым повторением или продолжением предыдущего, что видно хотя бы из того, что хинин (в отличие от каварамоно) при выполнении определенных условий имели право выйти из группы отверженных. Отмечается также, что значительная часть буракумин (жителей бураку) оказалась в положении отверженных именно в период Токугава.

Часто люди были вынуждены искать спасения в бураку²³, особенно те, кто лишился всех средств к существованию (например, из-за неурожаев, наводнений, землетрясений, пожаров и т. д.), кто ушел или был изгнан из какой-либо замкнутой ячейки феодального общества (из общины, пятидворки, цеха или гильдии). Таким образом, бураку пополнялись за счет крестьян, ремесленников, торговцев и даже разорившихся ронинов. Кроме того, туда направлялись некоторые осужденные и неизлечимо больные.

Надо отметить, что в положении отверженных в период Токугава можно заметить процессы, объективно разрушавшие сословную замкнутость. Так, начавшееся еще в XII в. приобщение сэммин к сельскохозяйственному труду стало в XVII—XVIII вв. уже весьма заметным явлением. Отмечается ломка профессиональных ограничений и в других видах деятельности. Кроме того, в городских и сельских бураку, как и во всей стране, начинается процесс классового расслоения, который нанес удар по сословной замкнутости сэммин. Вместе с тем феодальные власти, пытаясь сохранить удобное им социальное деление, доводят дискриминацию до таких форм, когда отверженных начинают считать неприкасаемыми²⁴.

В заключение хочется сказать, что отмеченные выше некоторые детали формирования и развития дискриминации свидетельствуют об ее исключительном своеобразии в Японии. Очевидно, между отдельными группами отверженных имелись довольно существенные различия, хотя все указанные группы были результатом развития одного явления — дискриминации. Таким образом, занимаясь определением конкретных исторических истоков возникновения разных групп отверженных, например дзакко, сандзёмин, каварамоно, эта, хинин или буракумин, мы практически выявляем изменение условий возникновения дискриминации в разные эпохи, что бесспорно связано с общей проблемой ее происхождения в Японии.

²² Так называются отдельные поселения и районы населенных пунктов, в которых проживает дискриминируемое меньшинство населения Японии.

²³ «Бураку-но рэкиси то кайхо ундо», стр. 102.

²⁴ Весьма характерна в этом отношении одна петиция крестьян поданная властям в 1711 г. (см. Подпалова, *Крестьянское петиционное движение в Японии*, М., 1960, Приложение, стр. 215, 219). В ней с горечью говорится о том, что к заключенным в тюрьмы старостам-крестьянам в качестве надсмотрщиков приставлены хинин. Это такое страшное унижение и оскорбление заключенных, которое может привести их к голодной смерти, поскольку они предпочтут смерть пище из рук хинин.